

К читателю

Отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь...; однако спрашивать надо обо всем..., решение же принимать самому и по своему усмотрению... Но как бы ни был хорош каждый из них в отдельности, вместе они окажутся еще лучше... Никколо Макиавелли, «Государь».

Выпуск настоящего издания следует за десятилетней годовщиной распада Советского Союза — стержневого элемента ЯлтинскоПотсдамской системы, ликвидацией старого мирополитического порядка, возникновением новых «постбиполярных» международных отношений. Задача представленной Вам антологии достаточно амбициозна — попытаться дать общую картину новой системы международных отношений через призму дискуссий, которые разворачивались в российском внешнеполитическом сообществе на протяжении 1991–2002 гг. Сложность поставленной задачи заключалась в том, что необходимо было адекватно отразить три динамичные составляющие: изменение международных отношений, становление и эволюцию внешней политики России и эволюцию восприятия российскими исследователями, как первого, так и второго феноменов. Если читатель придет к выводу, что эта триединая задача в принципе решена, то мы можем считать нашу работу успешной.

Интересно заметить, что исследователи, берущиеся за анализ современных международных отношений и внешней политики, очень часто сталкиваются с определенным скептицизмом коллег, которые считают, что в историческом масштабе период в десять лет слишком мал и попытки выделения на его основе неких долгосрочных тенденций, основополагающих факторов малопродуктивны. Другими словами — зерна от плевел плохо отделяются.

В ответ на подобные соображения у меня есть два довода. Один утилитарнопрагматический, другой более серьезный — о нем я подробнее скажу несколько ниже. Начнем с первого.

Все, кто причастен к образованию и, прежде всего, вузовскому, постоянно ощущают определенный голод на работы систематизирующего характера, посвященные процессам, происходившим в международных отношениях и внешней политике в 1990е годы, работы, которые можно было бы предложить студентам. Полифоничность, разнонаправленность, и, к сожалению, зачастую, некачественность оценок, содержащихся в огромном информационном потоке может сбить с толку любого студента изучающего международные отношения. При этом не всегда здесь сможет рядом оказаться преподаватель, профессиональный и мудрый наставник. Тем более это актуально для тех образовательных центров, где международные исследования сравнительно молоды. Нельзя сказать, что не было попыток заполнения этой лакуны должным содержанием. Так, надеюсь определенным шагом к систематизации современных представлений о мирополитических процессах и роли России в них стал выпуск нашим Университетом двух учебников «Современные международные отношения» и «Внешняя политика Российской Федерации 1992–1999 гг.». Эти издания, как представляется, стали достойным подспорьем для студентов и преподавателей российских вузов. Исходя из этого, мы уже несколько раз осуществляли переиздания этих учебников. Но вместе с тем, все учебники несколько статичны, учебник отталкивается, от современного видения того или иного события и выстраивает логику его объяснения через оперирование фактами и датами, однако он не может, в силу природы жанра, представить все те яркие нюансы, которыми был полон внешнеполитический процесс 1990х годов в нашей стране. Очевидно, что тот, кто стремится стать профессионалом — международником, эти нюансы, детали должен знать,

если хотите, — чувствовать, хотя бы в силу того, что предыдущие десять лет — первые годы совершенно нового этапа российской государственности. Как правило, наследие таких периодов еще долго играет свою роль через определенные политикоидеологические, теоретикометодологические сценарии восприятия реальности, воздействуя на внешнеполитическое сообщество, и в целом на элиту. С тем чтобы эти сценарии не стали обременительными стереотипами в поведении профессионалов внешней политики, они должны быть ими разобраны, освоены, переосмыслены, а, возможно, и отринуты. Это и является одной из задач хрестоматии, с которой, я уверен, она справится.

В целом же отрадно, что в образовательный процесс возвращается этот жанр работ, который пользуется несомненной популярностью. Кстати, о чрезвычайной востребованности подобных изданий говорит хотя бы тот факт, что солидный, твердый переплет библиотечных экземпляров первого издания хрестоматии стараниями студентов МГИМО постепенно превратился в мягкий, — а ведь прошло всего два года, и при том, что библиотека нашего Университета, мягко скажем, не бедна материалами по международным отношениям.

Теперь позволю себе вернуться к упомянутому второму доводу в пользу необходимости анализа и систематизирования знаний на таком кратком и динамичном отрезке развития международных отношений. Если мы посмотрим на опыт развития предшествовавших систем международных отношений, то увидим, что первые десять лет это, как правило, тот период, когда идеальная модель трансформируется в модель реально действующую, происходит ее своеобразная «доводка» до тех параметров, которые делают модель относительно устойчивой и функциональной. Правда этот этап очень часто становится периодом разочарований для «отцовоснователей» системы, рушит изначальные субъективные представления о ней. Но это уже другой вопрос, который, кстати, затрагивается в целом ряде статей помещенных в этой антологии.

И действительно, если мы обратимся к первому десятилетию после Вестфальского мира 1648 г., первой полноценной системы международных отношений, то мы увидим, что даже в тех условиях ничтожной, по сравнению с нынешней, мирополитической динамики происходит объективное изменение системы. Будь то, через активизацию внешнеполитических усилий Англии, «дипломатию Кромвеля», или через нестабильность северозападного «угла» Европы, где Речь Посполитая и Российское государство начинают в 1654 г. войну между собой, которая быстро становится полноценным фактором общеевропейской (а на тот момент значит и международной) политики. Вместе с тем, все это не разрушает систему, скорее ее дорабатывает, в любом случае Вестфальский трактат явился отправным, структурообразующим элементом мировой политики вплоть до Великой Французской революции и наполеоновских войн. Кстати, следует заметить, что дискуссия о том, какова судьба Вестфальских установлений, с точки зрения «мегапарадигмы» международных отношений, основанной на примате государства как первичного и единственно полноценного актора международных отношений является объектом внимания многих авторов, чьи работы представлены в хрестоматии. Но вернемся к рассмотрению «феномена первого десятилетия» в международных системах. Более динамичный (по сравнению с семнадцатым) девятнадцатый век продемонстрировал, что Венская система в своем первоначальном виде не смогла продержаться дольше семи лет, если принять за символическую дату последний — Веронский конгресс Священного союза 1822 г. Изначально очень жесткий, ориентированный только на интересы крупнейших держав, а зачастую отдельных слоев элиты этих держав, порядок не мог долго игнорировать как соотношение сил на мировой арене, так и социальные изменения внутри самих стран. Статичная Венская система фактически весь период своего существования подвергалась попыткам целенаправленного изменения. Как представляется, нынешняя система

международных отношений сумела в свои первые десять лет избежать соблазна жесткого, раз и навсегда отрегулированного и документально закрепленного установления баланса интересов и сил. Сомневаюсь, что это было только результатом знания исторического опыта, скорее всего, можно говорить о том, что восприятие мира современными внешнеполитическими элитами все еще слишком дробное в рамках самих элит, они не готовы дать «консолидированный» ответ самим себе. Очевидно, что этот тезис тем более верен в применении к российской реальности. Вернемся к нашему экскурсу... ВерсальскоВашингтонская система через десять лет после своего становления, к концу 1920х годов уже пережила не самую удачную ревизию произведенную в Локарно (1925 г.), стала свидетельницей как попыток принципиальной модернизации порядка, связанных с панъевропейской идеей и практикой, так и абсолютно автономной, с точки зрения Версаля, политики Советского государства. В принципе, к концу первого десятилетия тогдашнего миропорядка в системе уже сложились две принципиальные группы игроков: «ревизионисты», а скорее «ликвидаторы» и «консерваторы» системы. Другими словами, этап становления и модернизации системы фактически без скольконибудь заметного периода стабилизации перерос в этап кризиса. И все это уместилось в те самые десять лет... Еще более показательна в этом плане ЯлтинскоПотсдамская система, которая за первые десять лет своего развития приобрела наиболее яркие черты, которые сохранились на всем протяжении ее существования. При этом за этот период произошел абсолютный распад коалиции победителей, соперники по «холодной войне» успели опробовать силу друг друга в нескольких региональных конфликтах, ярче всего это проявилось на Корейском полуострове. В тот же период разрушаются колониальные империи, снижается роль старых европейских держав, вызревает феномен Третьего мира, появляются его лидеры Индия и Китай, при этом последний успевает за это десятилетие начать формирование своей новой международной идентичности в рамках казалось бы привычной коммунистической идеологии. Даже столь беглое и предельно краткое перечисление событий дает представление о динамике и об исторической значимости, казалось относительно небольшого периода в десять лет.

А что же современный мир — разве динамика его развития не столь сильна? Как представляется, как раз наоборот, динамика более сильна, событийная насыщенность более плотная и, как следствие, возможность формирования долгосрочных тенденций и стратегических факторов развития в короткий срок более высокая.

Очевидно, что современные международные отношения за прошедшие десять лет завершили переход от конфронтационной модели к новым очертаниям, старая двуполусная структура сломана. Вместе с тем, существующий миропорядок унаследовал от ЯлтинскоПотсдамской системы послевоенного устройства значительную часть международных механизмов, прежде всего — универсальную систему ООН, целый ряд международноправовых норм, договорных обязательств и т.д. Именно этим сосуществованием — нового и традиционного — характеризуются современные международные отношения. Другими словами парадокс заключается в том, что разрушенные политические основы ЯлтинскоПотсдамского миропорядка не обрушили институциональноправовую основу старой системы, которая, как оказалась, была более прогрессивной, чем ее политикоидеологическое алтерэго. Это и обеспечило мирный (в отличие от всех предыдущих) переход от одной системы к другой. Смена эпох произошла без крупномасштабного конфликта и столь же масштабного «мира», «конгресса» закрепляющего новый миропорядок. Это уникально, хотя бы с той точки зрения, что в системе нет изначально установленного «стандарта», который собственно и следовало бы корректировать, ревизовать, как это было со всеми другими системами. С другой стороны, подобный характер изменений может говорить о том, что мир переходит к другой парадигме развития и широкомасштабный конфликт для снятия внутрисистемных

противоречий больше не является императивом. Ясно, что судьба двуполюсного мира была предрешена не только крахом одной из сверхдержав, но и появлением новых центров силы, усложнением самой структуры международных отношений, которая приобретала все более многогранный характер еще в рамках ЯлтинскоПотсдамского миропорядка. Доминирование абсолютно во всех сферах стало проблематичным к середине 1970х годов даже для сверхдержав. Логично, что подобное доминирование объективно невозможно сейчас (в том числе и для «победившей» сверхдержавы — США), хотя бы потому, что нынешний мир слишком сложен, имеет бесчисленное количество взаимообусловленных измерений. Действительно, нынешнюю мировую систему можно представить себе в виде пирамиды, состоящей из целого ряда «слоев», секторов, наложенных друг на друга. В каждом из этих секторов — экономическом, финансовом, технологическом, военном и т.п. — есть свои лидеры, страны, находящиеся в значительном отрыве от других участников. Россия сейчас почти незаметна в экономическом секторе, но в то же время, выступает в качестве «полюса» в институционально-правовом секторе мировой системы, имея статус постоянного члена Совета безопасности ООН. Роль «полюса» Россия играет и в военнoстратегическом секторе. Если учитывать роль отдельных стран в доминировании над региональными пространствами, то можно различить еще целый ряд кандидатов в «полюса». Отрадно, что здесь также присутствует Россия, которая сегодня уверенно лидирует на постсоветском пространстве, играет важнейшую роль на европейском направлении, все более активно проявляет себя в АТР. Таким образом, современный мир объективно многополярен. Вместе с тем, это не многополярность враждебных группировок, а нечто более сложное. Подобная модель дает возможность целому ряду стран претендовать на расширение секторов и региональных пространств, где они могли бы через некоторое время стать «полюсами». Однако объективно формирующаяся полицентричность не смогла заглушить стремление ряда властных групп стать своеобразным единоличным рефери мировой арены. Эта влечет за собой применение абсолютно неприемлемых методов регулирования международных отношений — угрозы силой и непосредственного ее использования. К сожалению, такие настроения, присутствуют и в российской элите, вместе с тем, отрадно, что в профессиональном внешнеполитическом сообществе они не поднимаются выше маргинального уровня. В целом же, надо заметить, что стремление той или иной страны или группы стран, поставить под контроль мировое политическое пространство способствует торможению процессов выстраивания системы коллективного мирорегулирования, единственной оптимальной для современного и очень сложного мира. Императивность этой задачи представляется однозначной. Снятие международной конфронтации глобального характера привело к «разбалансированности» мировой системы, активизации целого ряда конфликтов, многие из которых подспудно тлели и ранее, но их разрастание не допускалось сверхдержавами. В современном мире наличие очага конфликта даже в отдалении от центров мирового развития отражается на политической, экономической, социальной жизни стран, казалось бы, напрямую не задействованных в конфликте. Ярким примером этого является этнический конфликт в Югославии, который в своем апогее затронул безопасность всего европейского континента, российскоамериканские отношения, внес совершенно новые ноты в развитие политической ситуации в России. Быстрая интернационализация локальных конфликтов является одной из наиболее опасных черт современных международных отношений. Грубое — жандармское — вмешательство извне лишь усугубляет конфликты. Единственная альтернатива этому — внедрение международных режимов предотвращения и ликвидации конфликтов, основанных на скоординированных действиях мирового сообщества, на обязательности норм международного права, на недопустимости их нарушения, чем бы это нарушение не аргументировалось. Стоит отметить, что в прошлом издании хрестоматии, которое в большинстве своем было собрано до начала Косовского кризиса и подписано в печать до его завершения, не нашло отражения поистине драматическое значение этого события.

К наиболее серьезным вызовам современного мира можно отнести и распространение оружия массового уничтожения, прежде всего, ядерного. Очевидно, что международное сообщество ничего реального не смогло противопоставить появлению ядерного оружия у Индии и Пакистана, многие политики с трудом выходят в осознании ядерной проблематики за рамки «центрального ядерного баланса». Проблема распространения ОМУ имеет и «виртуальное» измерение. Пример этого — использование США спекуляций вокруг ядерной угрозы со стороны ряда государств для одностороннего выхода из Договора по ПРО. Ядерная тематика также получила свое освещение в новом издании хрестоматии. Вызовом международной стабильности является и деятельность радикальных общественнополитических и религиозных движений. Именно из этого источника подпитывается терроризм, который давно ведет «третью мировую войну». Метастазы терроризма проникли в пределы подавляющего большинства государств. С деятельностью радикальных движений тесно связана незаконная торговля оружием и наркотиками, которые из удела преступных группировок превратились в основу существования влиятельных сил на международной арене. За счет подобного «бизнеса» живут многие экстремистские группировки и движения, которые пытаются воздействовать на ситуацию в СНГ и России.

Современный мир характеризуется усилением процессов глобализации. Их роль может быть оценена двояко. С одной стороны, глобализация способствует решению многих сложнейших проблем, но в то же время создает новые. Россия, к сожалению, имеет серьезный шанс не попасть в ряды «бенифициариев» глобализации. Мы долго жили автономно от остального мира, удовлетворяясь кооперацией в рамках «мировой системы социализма». Сегодня мы оказались в ситуации, когда, понимая суть происходящего, мы обладаем сравнительно малым числом эффективных каналов и ресурсов влияния на мировые процессы. Рассмотрению этих проблем посвящен специальный раздел предлагаемой хрестоматии, необходимость которого возникла в силу того, что в последние несколько лет вопросы глобализации получили чрезвычайно сильное, вместе с тем зачастую гипертрофированное и поверхностное звучание. Отбирая работы в этот раздел, мы стремились максимально придерживаться принципа репрезентативности различных точек зрения.

Изъятие из глобальных международных отношений фактора конфронтации стало катализатором двух параллельных процессов: с одной стороны, дальнейшей автономизации и роста значения внутрирегионального развития; а с другой — реформирования, изменения идентичности ряда регионов. Региональные составляющие это, как правило, наиболее затребованный практикой аспект международных исследований. Поэтому не случайно раздел, посвященный региональным направлениям внешней политики России, самый большой по объему. Интересно заметить, что с распадом СССР нашей стране пришлось фактически стать стержневым звеном нового международнополитического региона, государства которого институционально объединены участием в СНГ. Восприятие постсоветских государств как в качестве объектов внешнеполитических усилий, так и в качестве субъектов по взаимодействию, в российской внешнеполитической элите происходило достаточно проблематично. Помимо сложностей политического и социальнопсихологического восприятия была и весьма прикладная

проблема — кадры, те, кто мог бы и должен работать на этом направлении. И здесь не могу не сказать о том, что МГИМО стал первым вузом в России и СНГ, где на систематической основе с середины 1990х годов мы готовим специалистов по странам СНГ и Балтии с соответствующей языковой специализацией. Более того, специализирующиеся на этих странах ребята получают двухлетнюю довузовскую подготовку на Курсах редких языков. Для всех студентов нашего института с начала 1990х годов читается обязательный

полугодовой курс по проблемам СНГ. Понимая всю важность сохранения гуманитарных и профессиональных связей МГИМО никогда не прекращал набор студентов из стран бывшего СССР, число которых на настоящий момент достигает почти пятисот человек.

С середины 1980х годов наша страна начала (здесь хочется вставить слово «первой», что, наверное, не будет ошибкой) продвигаться от конфронтационной модели к иному миропорядку, построенному на «общечеловеческих ценностях», на принципах мирного и стабильного существования, свободного от военной конфронтации и идеологического противостояния. Эти принципы были чрезмерно идеалистичны, но, тем не менее, они изменили и нас, и окружающий нас мир. Парадокс заключается в том, что окружающий нас мир оказался гораздо более прагматичным и консервативным, чем думали советские и российские реформаторы, и не собирался отдаваться внешнеполитической романтике, моментально отказываясь от традиционных подходов к международным отношениям, в первую очередь, от приоритетности национального интереса. К сожалению, ситуация конфликта идеалов и реальности продолжалась в российской внешней политике на протяжении 1991–1995 гг. Последующие годы стали периодом избавления от неоправданной эйфории в восприятии окружающего мира, осторожного, зачастую с большими издержками и ошибками даже не формулирования, а «нащупывания» международнополитической идентичности России. Представление о мире и о месте России в нем постепенно выкристаллизовывалось. Формальным доказательством этому служит тот факт, что свое второе десятилетие российская внешняя политика начинает «вооруженной» Концепцией национальной безопасности, Концепцией внешней политики, новой Военной доктриной.

Как уже было замечено, задача настоящей хрестоматии состояла в том, чтобы дать комплексный взгляд на роль России в международных отношениях, именно поэтому в антологию включены работы, не только освещающие политикодипломатические, но и экономические аспекты деятельности нашей страны на мировой арене. Императив включения России в современные мирохозяйственные связи диктует необходимость детального осмысления внутреннего экономического положения и его экстраполяцию на мировую экономику, как настоящего дня, так и более далекой перспективы. Авторы работ представленных в «экономическом» разделе пытаются это сделать каждый посвоему, но при этом общее впечатление от этих попыток оказывается весьма интересным и подвигающим к размышлениям. В названии представленной антологии содержится слово «безопасность», термин и феномен, которые стали обыденными для российского политического дискурса, но которые в публичную дискуссию впервые вошли именно в 1990е годы. Сейчас можно говорить о том, что изучение проблем национальной и международной безопасности стало самостоятельным и детально разработанным элементом международных исследований и образовательного процесса. Особого внимания, как представляется, заслуживает раздел, посвященный методологии преподавания и изучения международных отношений. Надо сказать, что методологическое направление, вообще, достаточно своеобразный компонент российского внешнеполитического сообщества. Как представляется, за прошедшее десятилетие было два принципиальных всплеска методологических исследований. Первый из них начался еще в самом конце 1980х годов и был связан с началом процесса выхода общественных наук из явно устаревших и идеологически доминированных парадигм. Следующая, на мой взгляд, чрезвычайно затянувшаяся фаза, носила характер массового и неразборчивого заимствования западных методологических концепций, зачастую предельно устаревших, но ничуть не менее привлекательных в силу их запретности для отечественных исследователей в предыдущие годы. Вторая половина 1990х годов была отмечена пресыщением научного мира бездумным заимствованием, что к рубежу десятилетия вылилось в многочисленные и совершенно разные по качеству попытки собственной, отечественной концептуализации

международных отношений. Свобода творчества в общественных науках в 1990е годы привела к ускорению процессов оформления научных направлений, постепенному складыванию новых школ, усилению междисциплинарного характера международных исследований. Сейчас, как представляется, заканчивается этот период внутренней консолидации, и мы находимся на пороге достаточно серьезных и масштабных дискуссий уже не просто между отдельными учеными, а школами, как таковыми. Включением этого раздела в хрестоматию мы осторожно пытаемся приблизить начало этого этапа.

Въедливому читателю может показаться, что представленная ему работа содержит некоторые перекосы в освещении тех или иных тем. Может быть это и так. Но при этом надо помнить, что этот многотомник — антология, т.е. своеобразное зеркало, которое должно отражать то, что происходило в общероссийском дискурсе по международным отношениям. Очевидно, что в нем был ряд перекосов, акцентирование одних тем и зачастую полное забвение других.

Мне как ректору МГИМО приятно, что значительное число авторов, чьи работы включены в антологию, так или иначе связаны с нашим Институтом, многие из них его выпускники, другие преподавали и преподают в МГИМО, некоторые совмещают и первую, и вторую характеристику. Как ни странно, предмет моей гордости может стать объектом критики, которая, однако, будет не очень справедливой. Оценивая сообщество ученых-международников, мы можем констатировать, что характер его развития до конца 1980х годов был весьма закрытым и сосредоточен по преимуществу в столице. Последнее десятилетие изменило ситуацию, ученые из региональных учебных и научных центров полноправно вошли в сообщество международников, что в частности отражает и состав авторов, работы которых включены в эту антологию.

При этом следует отметить, что если еще в самом начале 1990х годов прорыв на общероссийский уровень региональных исследователей граничил с героическим подвижничеством, то сейчас, я надеюсь, положение изменилось к лучшему. Свою роль здесь играет Российская ассоциация международных исследований (РАМИ), учебнометодическое объединение по международным отношениям. Со всей ответственностью могу сказать, что политика МГИМО все 1990е годы была подчинена двуединой цели. С одной стороны мы стремились сохранить свою элитарность (да, мы перестали бояться произносить это слово вслух!), а с другой стороны стремились сломать незаслуженный имидж «fortress–МГИМО», некоей наглухо закрытой «крепости», стать, как это принято сейчас говорить, «ресурсным центром». Наверное у нас получилось, по крайней мере выход настоящей хрестоматии еще один шаг в этом направлении.

Но вернемся собственно к нашему изданию. Отдельно стоит отметить то, что хрестоматия в своем четвертом томе сконцентрировала наиболее важные документы по внешней политике России. Этот том несет на себе значительную образовательную нагрузку. Знание документов, правового поля международных отношений всегда отличало отечественных специалистов-международников, помогало дисциплинировать их мышление, давало дополнительный инструментарий для анализа мирополитических процессов. Ясно то, что подборка документов, включенных в хрестоматию, не может претендовать ни на полноту фундаментальных изданий, подобных «Документам внешней политики СССР (России)», которая, благодаря усилиям МИД России, была возобновлена в последние годы, ни на системность правового изложения, характерного для ставшего чрезвычайно популярным трехтомника «Действующее международное право» — задача этого тома дать минимальное количество наиболее значимых опорных точек в правовом поле российской внешней политики, наработанном в 1990е годы.

При этом, просматривая даже этот относительно небольшой круг документов, читатель уже сможет увидеть определенную динамику. Так, за свою недолгую эволюцию новая российская политика уже приобрела две Концепции внешней политики (1993 г. и ныне действующую 2000 г.), что опятьтаки является ответом тем, кто считает, что десять лет это слишком малый срок для подведения некоторых итогов. Яркой иллюстрацией многоаспектности и разнонаправленности эволюции двусторонних отношений, прежде всего в стратегической сфере, служат документы, посвященные российскоамериканскому взаимодействию. Усилия России и стран Содружества по формированию правовых регуляций на постсоветском пространстве — яркий пример многостороннего взаимодействия. Включение документов в настоящую хрестоматию решает и еще одну проблему, которая возникла как результат определенной неравномерности развития науки о международных отношениях. Речь идет о том, что политологизация этой области знаний, принесение в нее разветвленного теоретического аппарата, создает у многих студентов эффект отрыва собственно от документальнофактологической ткани международных отношений, что в результате может привести к трудностям в их практической работе после завершения образования.

Просматривая предисловие, которое подготовила Т.А. Шаклеина — неоспоримо, самый главный вдохновитель, руководитель и исполнитель этой работы, я невольно остановился на словах, где говорилось, что книга предназначена «для всех, кого волнует судьба страны, ее место в мировой политике». Осознаю, что это не просто расхожая фраза. Очевидно, что значительность внутренних проблем не стимулирует внимание граждан к проблемам международным, активизация внешнеполитического интереса происходит, как правило, по привычным или «горячим» темам. Широкой российской общественностью попрежнему не освоен целый ряд тем современных международных отношений, которые в своем развитии непосредственно отразятся на внешней политике и безопасности нашей страны. Это произошло как в силу длительной закрытости нашего общества, так и в силу концентрации на внутренних проблемах в 1990е годы. Зачастую складывается парадоксальная ситуация, когда старшее и среднее поколение, сохраняющее еще советскую привычку интересоваться «международным положением», имеет больше внешнеполитических тем в своем освоенном арсенале, чем молодое поколение (я не говорю о профессионалах), чье внимание фактически не привлекалось к внешнеполитическим проблемам ни средствами массовой информации, ни системой среднего образования, которое в большинстве своем боролось за элементарное выживание.

В этой ситуации хочется верить, что наша книга действительно спровоцирует интерес к международным отношениям, к внешней политике страны, к проблемам ее безопасности. И прежде всего, у молодого поколения. В принципе, наличие такого интереса — один из показателей стабильного и здорового общества, где люди знают свое прошлое, понимают настоящее и смотрят в будущее.

А.В. ТОРКУНОВ

«Внешняя политика и безопасность современной России», 2002.